

Доржу Клара Бурбулдеевна

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ОБРАЗОМ ДАНГЫНЫ, В ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ КУУЛАРА "МОЯ ЛЮБИМАЯ - ХОЗЯЙКА ТАНДЫ ДАНГЫНА"

В статье анализируется лексика повести Николая Куулара "Моя любимая - хозяйка Танды Дангына". Главной героиней повести является сказочный персонаж - Дангына. Описывая портрет и условия быта её жизни, автор использует богатейшую лексику современного тувинского языка, в составе которой широко представлены мифологизмы, этнографизмы, экзотизмы. В предлагаемой статье данные слова подразделяются на небольшие лексико-семантические группы. Через образ Дангыны автор призывает сохранить древнюю духовную культуру тувинцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 84-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**ROLE OF PRESUPPOSITION UNDER VERBAL EVALUATION
OF VERBAL BEHAVIOUR IN A DIALOGUE**

Dolzhenkov Valerii Nikolaevich, Ph. D. in Philology
Russian State Social University
valdolzhenkov@yahoo.com

The article examines the problems of interpreting the meaning of presupposition in a dialogue and its nature as a zone of intersection of communicants' cognitive spaces actualizing in the process of communication. The author emphasizes the important role of presupposition in predicting the development of communicative situation in a dialogue. The researcher argues for the necessity to consider the interference of cognitions of the speaker and recipient while evaluating verbal behaviour.

Key words and phrases: proposition; presupposition; verbal behaviour; speech communication; connection; communication act.

УДК 81-26

Филологические науки

В статье анализируется лексика повести Николая Куулара «Моя любимая – хозяйка Танды Дангына». Главной героиней повести является сказочный персонаж – Дангына. Описывая портрет и условия быта её жизни, автор использует богатейшую лексику современного тувинского языка, в составе которой широко представлены мифологизмы, этнографизмы, экзотизмы. В предлагаемой статье данные слова подразделяются на небольшие лексико-семантические группы. Через образ Дангыны автор призывает сохранить древнюю духовную культуру тувинцев.

Ключевые слова и фразы: мифологический образ; анализ лексико-семантических групп; мифологизмы; этнографизмы; экзотизмы.

Доржу Клара Бурбулдеевна, к. филол. н., доцент
Тувинский государственный университет
dorzhukb@mail.ru

**ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ОБРАЗОМ ДАНГЫНЫ, В ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ КУУЛАРА
«МОЯ ЛЮБИМАЯ – ХОЗЯЙКА ТАНДЫ ДАНГЫНА»[©]**

Богатое устное народное творчество каждого народа до настоящего времени является источником вдохновения писателей разных поколений. Образы, созданные в глубокую древность, обогащают творческую энергию многих авторов и служат прекрасным примером в деле воспитания подрастающего поколения.

Многие фольклорные образы, удачно использованные во многих произведениях современной литературы, остаются жемчужным мостиком между историей и современностью. Опираясь на прекрасные фольклорные сюжеты и образы, многие современные писатели создают высокосодержательные произведения. «Писатели сибирских национальных литератур широко используют не только изобразительно-выразительные средства, образные приемы родного фольклора, но и его сюжеты, мотивы, принципы сюжетостроения и конфликтообразования» [2, с. 58].

Во многих мифах и героических сказаниях центральным персонажем являются Дангыны (Дакини, Дагини...) – царевны, обладающие сверхъестественными силами. «В мифах монгольских народов с распространением ламаизма Дакини – небесные девы, были включены в пантеон как один из классов мифологических персонажей. В широком смысле Дакинями называются все женские божества и духи» [4, с. 170].

Образу Дангыны как хозяйки Тайги посвящена повесть народного писателя Республики Тыва Николая Шагдыр-ооловича Куулара «Мээң таныжым – Танды ээзи Дангына» («Моя любимая – хозяйка Танды Дангына») [3].

Обращение автора к мифологическому образу Дангыны вызвано поиском яркого национального образа, который мог бы стать примером или образцом для современной молодежи. В данной повести Дангына по имени Тандыяна является хозяйкой тайги Танды-Уула (имя *Таңдыяна* произведено автором от слова *танды* 'тайга'), с ней на предгорьях Танды происходит встреча Саяна, главного героя и повествователя.

Образ Дангыны, созданный талантливым художником слова, обогащён яркими выразительными средствами, которые придают повести особый национальный колорит. В повести широко используются элементы мифологического характера, особо хочется отметить так называемые «развернутые пучкообразные эпитеты-характеристики, состоящие из простых и сложных эпитетов» [1, с. 48], характерные для тувинских героических сказаний.

Основную смысловую нагрузку в тексте несёт богатейшая лексика повести, через которую ощущаются авторская позиция и авторский взгляд. Основной мотив повести – призыв к нынешнему поколению

тувинцев, к молодёжи сохранить древние национальные обычаи и традиции, самобытную культуру и искусство нашего народа. Через образ Дангыны автор хотел показать и доказать, что возвращение её образа необходимо для нынешнего и будущего поколений. Выразительность образа Дангыны – в её естественной красоте, привлекательности без всякого макияжа и современной косметики, в умении ценить всё, что связано с духовной культурой этноса.

С самых первых эпизодов появления Дангыны чувствуется дыхание потустороннего мира, волшебство и загадочность её образа. Внезапное появление Дангыны на предгорье Танды сопровождается дуновением легкого ветерка, колыханием растительности, что усиливает сказочность персонажа: *Хөрээм иштин көзүлбес хатчыгаиш арыдыр домнап, бир-ле чажыт күш-биле долдуруп, серген-ле бар чыдарымны эскерип каан мен* [3, с. 7]. / Мне вдруг почудилось, как будто заморозил меня какой-то неизведанный легкий ветерок, мною овладела какая-то загадочная сила, и во мне пробуждается бодрость, легкость души.

Основной целью нашей работы является семантический анализ использованной в повести терминологической лексики, которая является подтверждением поэтичности и своеобразия языка произведения, доказательством его мифологической основы.

Лексике повести можно разделить на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ).

1. Мифологизмы, придающие повести сказочность:

1) словосочетания, подчёркивающие образ коня Дангыны: характеризующие бег, полёт лошади в небеса: *агаарже көдүрлүр* ‘подниматься в небеса’; *туманче шымныр* ‘погружаться // нырять в туман’, *тумандан бедипир* ‘возвышаться над туманами’; *чөөн чүкче шиглей ужугар* ‘лететь по направлению на восток’ и т.п.

Напр.: (Дангынанын) *Аьды чоорту агаарже көдүрлүр, бирде эртенги көккүр туманче шымныр, бирде ол тумандан бедип, чөөн чүкче шиглей ужугупканын көрүп чыдып калган мен* [Там же, с. 22]. / Я, оставшись на земле, наблюдал, как лошадь (Дангыны) начала подниматься ввысь, полетела по направлению на восток, то погружаясь в утренний синий туман, то поднимаясь высоко над туманами.

В эту же группу могут быть отнесены и фразеологизмы, подчёркивающие различные виды бега (хода) лошади типа *чүстүг сиден сыя баспас* ‘мчаться, не касаясь земли’ (букв. ‘не ломая ни один сустав травинки’), *чел-кудуруу агаарда сула салдынар* ‘свободно лететь на небе’ (букв. ‘грива и хвост свободно расстилаются на воздухе’).

Напр.: *Даңгына база мээң-биле чылыг байырлашкаш, Бора-Дайын тепсениптерге, аьды баштай чер кырлап, чүстүг сиден сыя баспайн саяктап чоруй ужугупкан* [Там же]. / Когда Дангына, попрощавшись со мной, прищпорила коня, он сначала помчался по земле и полетел ввысь, не касаясь земли;

2) слова, обозначающие титулы, родственные отношения типа *хаан* ‘король, царь’, *кадын* ‘королева, царица’, *даңгына* ‘царевна’, ‘дочь короля’ и т.п.

Напр.: *Мээң угбам – Көпсе-Хөлдүң ээзи хаанның кадыны болбазыкпе* [Там же, с. 20]. / Моя сестра, ведь, – жена короля (царица), хозяйина озера Хубсугуль; *Ачам шаанда Дус-Дагның ээзи турган, авам – мен ышкаш – бо тайганың ээзи турган* [Там же]. / Мой отец раньше был хозяином горы Дус-Даг, а мать, как и я, была хозяйкой этой горы;

3) мифологические названия местностей: *Курбустулар* ‘небеса’; *мурнуу далай* ‘южное море’, *чөөн далай* ‘восточное море’, *соңгу далай* ‘северное море’ и т.д.

Напр.: *Ам мурнуу, чөөн, соңгу далайлар чедир-даа мунуп, өске оран ээлери-биле чайлыг аргыжыптар мен* [Там же, с. 19]. / Я могу доехать (на коне) до южного, восточного, северного морей и связаться с хозяевами других местностей; *Мурнуу далай дээрге Успа-Хөл, чөөн – Көпсе-Хөл, а соңгу – Бай-Хөл-дүр* [Там же, с. 20]. / Южное море – это Успа-Холь, Восточное (море) – Хубсугуль, а Северное – Бай-Холь;

4) названия сказочных персонажей: *чалгынныг аьт* ‘крылатый конь’, *Аран-Чула* (название мифологической лошади) и т.д.

2. Этнографизмы, придающие повести национальный колорит, которые, в свою очередь, могут быть разделены на следующие ЛСГ:

1) сочетания, характеризующие национальный костюм, и образованные от них относительные прилагательные: *торгу тон* ‘национальный шелковый халат (тон)’ (*торгу тоннуг* ‘в шелковом халате’ (букв. ‘с шелковым халатом’ // ‘имеющий (-ая) шелковый халат’)), *алгы идик* ‘кожаная обувь’ (*алгы идиктиг* (букв. ‘с кожаной обувью’ // ‘имеющий (-ая) кожаную обувь’)) и т.п.

Напр.: *Оон хенертен хая көрнүп келгеш, аксым аазаттынып, карактарым чивеңейни берген – артымда көк торгу тоннуг аныяк кыс кылаштап кел чыткан! Мырыңай чоокиулап кээрге, топтап көөрүмге, бажында довузак бөрттүг, будунда угулзалай сырып каастаан чымчак алгы идиктиг, кулактарында мөңгүн каасталгаларлыг болган* [Там же, с. 8]. / Оглянувшись, я вообще обомлел, когда увидел, что сзади идёт молодая девушка в синем национальном халате (тон). Когда она подошла поближе, увидел, что (Дангына) одета в национальную шапку, в кожаную обувь с национальными орнаментами, в её ушах блестящие серебряные сережки;

2) слова и сочетания слов, обозначающие снаряжение лошади Дангыны: *чүген суглуу* ‘удила’, *эзер базыткыжы* ‘бляшки для седла’, *төрөпчи* ‘чепрак’, *колун-чирим* ‘передняя подпруга’, *шавылдыыр* ‘задняя подпруга’, *кымчы* ‘кнут, плеть’ и т.п.

Напр.: *А кол-ла чүве – ол бүгүнү кылган шеверлерниң уран холунуң катаптанмас тускайы, чүгенниң суглуунуң, эзерниң базыткыжының, төрөпчиде угулзаның аяннашкаа, колун-чирим, шавылдыырның, мунокчунуң холунда кымчының шевергин, бир аайы* [Там же, с. 19]. / А самое главное – неповторимость

и оригинальность таланта тех мастеров, которые сделали эти удила, бляшки для седла, гармоничность узора на всех этих снаряжениях лошади, как красиво смотрелись кнут в руках всадника, подпруга, удила;

3) слова, подчеркивающие аксессуары национальной одежды, снаряжений для лошади, типа *мөңгүн ка-асталгалар* ‘серебряные украшения’, *алдын-мөңгүн үнелиг эртине даштар* ‘дорогие камни-самоцветы из золота и серебра’ и т.п.;

4) слова, относящиеся к национальным традициям, тувинским обрядам: *өргүл кылыр* ‘делать подношение (божествам)’, *тейлээр* ‘молиться’, *артыжаар* ‘окуривать можжевельником’ и т.п.

3. Слова, выражающие внешний облик Дангыны, типа *додуккан кеш* ‘обветренная кожа’, *долбанналган чаак* ‘румяная щека’, *оду чайнаан улуг карактар* ‘светящиеся (искрящиеся) глаза’ и т.п.

Напр.: *Чараш-ла кыс болган. Бажыңдан үнмес уруглар ышкаш, кылымал хевир-шырайлыг эвес, даштын хат-салгынга додуккан-даа болза, ширилендир када бербээн, хоюг-чымчак, аксымаар кештиг, долбанналган чаактарлыг, ийи чара өрүп алган узун, сырый кара чаштыг* [Там же, с. 9]. / Девушка оказалась очень красивой. Красота у неё была естественная: обветренная кожа лица была мягкой (хотя кожа была обветрена, но мягкая); беловатая кожа, румяные щёки, заплетенные туго чёрные косички.

Внешний облик Тандыяны подчеркивается вставными конструкциями, поясняющими её естественную красоту. Напр.: *Даңгына долбанналган (чаап алган будук эвес, иеден төрөөн долбаннар деп дораан билип каан мен) чаактарлыг* [Там же]. / У Дангыны были румяные щёки (я понял, что это не румяна, нанесённые на щёки, а настоящий румянец с самого рождения);

4. Слова, подчёркивающие речевой этикет тувинцев: *сол, сол-чаагай, сол-менди, кадык-менди* (слова, составляющие форму прежнего приветствия тувинцев с общим значением ‘мир, покой, спокойствие’) и т.д.

Обращение Дангыны к Саяну со словами старинного приветствия тувинцев и использование форм множественного числа к нему одному при первой встрече удивляет его почтительностью и уважительным отношением, т.к. в речи нынешней молодёжи такое приветствие почти забывается.

Напр.: – *Боларлар бистиң Таңдыда чаа келген ышкаш болду аа? Сол-чаагай, кадык-менди тур силер бе? Аал-чуртуңарда улузуңар эки турлар бе? – деп, танывазым чараш кыс чугаалаан чүве* [Там же]. / Вы, кажется, прибыли в наш Танды недавно. Всё ли у Вас благополучно, все ли здоровы? – спросила моя незнакомая красавица.

5. Музыкальные термины: *ыры-хөгжүм* ‘музыка’, *хөөмей-сыгыт* ‘горловое пение’, *хөгжүм херекселдери* ‘музыкальные инструменты’, *ыраажылар* ‘певцы’, *хөгжүмчүлөр* ‘музыканты’, *хөөмейжилер* ‘исполнители горлового пения’ и т.п.

Напр.: *Даңгынаның бир улуг сонуургалы – ыры-хөгжүм, ылаңгыя тыва кижилерниң хөөмей-сыгыды, хөгжүм херекселдеринге ойнаары дээрзин база билип апкан мен* [Там же, с. 27]. / Я узнал, что еще одно увлечение Дангыны – это музыка, она особенно интересуется горловым пением тувинцев, игрой на музыкальных инструментах.

К этой же группе относятся глаголы типа *куттулар, төктүр, аттыгар* с общим переносным значением ‘длиться (о песне)’ и т.п., характеризующие оригинальное исполнение песни Дангыны.

Использование музыкальной терминологии вызвано интересом и увлечением Дангыны тувинским национальным искусством, культурой народа, уникальным горловым пением.

Почти каждое появление Дангыны сопровождается оригинальным исполнением её песни, льющейся из самой глубины её сердца и излучающей всю красоту души героини. Развёрнутые эпитеты создаются богатыми причастными конструкциями типа *ала чайгаар төктүп турар, сагыш-сеткил, хөрек-чүректен куттулган ыры* ‘песня, которая льётся сама собой, из глубины души, из сердца’; *күүседикчиниң хөрөөндөн күжениг чокка аттыгып үнгөн хуулгаазын аялга* ‘волшебная мелодия, струящаяся без всяких усилий из глубины души исполнителя’.

В повести использованы имена талантливых тувинских мастеров горлового пения, тувинских сказителей, выдающихся людей тувинского искусства. Восхищение Дангыны искусством удивительных представителей тувинского народа раскрывает её внутреннюю красоту.

5. Экзотизмы типа *аза-четкер* ‘черти, бесы’, *оран (чер) ээзи* ‘хозяин // хозяйка вселенной (земли)’, *тайга ээзи* ‘хозяин // хозяйка тайги’, *дишрең* ‘дух, бес’ и т.п.

Напр. *Албыс-шулбус, аза, бук, куудай, четкер дугайында катап-катап номчуп, Даңгына-биле ужуражылгамны деңней бодап, ол-бо сайгарып шаг болган мен* [Там же]. / Я долго читал и анализировал о таких явлениях, как черти, бесы, злые духи, сравнивал с ними мою встречу с Дангыной.

К экзотизмам можно отнести описание необыкновенного цветка, увиденного Саяном во сне: *Сывы бедик, барык мээң-биле дең, бүрүлери элбек, сырый, салбактары кайгамчык чараш, каш янзы хуулуп, өскерлип турар хөй өңнүг, ...бир тускай, онзагай чечек* [Там же, с. 12]. / У этого необыкновенного цветка стебель высокий, ростом почти с меня, листья густые и обильные; очень красивые, разноцветные, переливающиеся кисти (гроздь).

Таким образом, лексика повести соответствующим образом приближена к эпической лексике. В этом мастерство и талант автора произведения.

В образе Дангыны слышится зов предков тувинцев, а также призыв к молодому поколению, чтобы история любви и расставания двух представительниц разных миров, разных времен заставила задуматься нынешнюю молодежь о ценностях жизни. В этом – всемогущая роль фольклорного образа, в этом и его сила. «В фольклоре писатель черпает главные жизненные критерии, психологические модели, этические, эстетические и религиозные ценности, а также личные идеалы» [2, с. 274].

Отрадно, что представитель четвертого поколения тувинских писателей Николай Куулар в XXI столетии обратился к фольклорному образу Дангыны, которая в силу обстоятельств обитает и в нынешнем мире, усваивая высокотехнологические условия современности. Это является подтверждением того, что «идеи и образы родного фольклора питают литературу живительными силами. Фольклорные элементы, входя в систему нового художественного целого – литературного произведения, видоизменяются, обогащаются, модифицируются, подчиняются эстетике литературного мышления. Они оплодотворяют словесную культуру тувинского народа новым, неповторимым содержанием, новыми средствами анализа окружающей жизни» [5, с. 50-51].

Повесть «Мээң таныжым – Танды ээзи Дангына» – яркий пример того, что фольклор и в наше время является весомой частью культуры каждого народа. Художественный образ Дангыны, созданный народным писателем Тувы Н. Ш. Кууларом на основе тувинских героических сказаний и сказок, вероятно, поможет не одному поколению тувинского народа обогатиться чувством гордости за свою культуру и искусство, за родной язык и литературу, проникнуться духом своего этноса.

Список литературы

1. Байсклан С. М. Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1987. 72 с.
2. Балданов С. Ж., Бадмаев Б. Б., Буянтуева Г. Ц-Д. Литература народов Сибири: этноградация, фольклорно-этнографический контекст. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. 304 с.
3. Куулар Н. Ш. Мээң таныжым – Танды ээзи Дангына (Моя любимая – хозяйка Танды Дангына). Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2008. 200 с.
4. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
5. Самдан З. Б. Устное народное творчество тувинцев – художественная основа тувинской литературы // История тувинской литературы. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921-1944). С. 11-51.

VOCABULARY ASSOCIATED WITH THE IMAGE OF DANGYNA IN THE STORY BY NIKOLAI KUULAR “MY BELOVED IS THE MISTRESS OF TANDA DANGYNA”

Dorzhu Klara Burbuldeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tuvan State University
dorzhukb@mail.ru

The article analyzes the vocabulary of the story by Nikolai Kuular “My Beloved is the Mistress of Tanda Dangyna”. The main heroine of the story is the fabulous personage Dangyna. Describing her portrait and everyday life the author uses the richest vocabulary of the modern Tuvian language in the structure of which mythologisms, ethnographisms, exotisms are widely represented. In the paper these words are subdivided into the small lexico-semantic groups. Through the image of Dangyna the author calls on to preserve the ancient spiritual culture of the Tuva people.

Key words and phrases: mythological image; analysis of lexico-semantic groups; mythologisms; ethnographisms; exotisms.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается импрессионистическая стилевая компонента реалистической прозы писателя на материале произведений из циклов «Родительская суббота», «Память лета» и отдельных рассказов. Автор изучает влияние на словесную живопись Б. Екимова изобразительного искусства, прослеживает истоки экспрессионистского изображения природы в литературной традиции, обращаясь к прозе И. А. Бунина, К. Г. Паустовского, М. А. Шолохова. Элементы импрессионистической поэтики (активное обращение к цветосветовым и синестетическим образам, пленэр, пластичность изображения) представлены как проявление тенденции к лиризации прозы.

Ключевые слова и фразы: Екимов; Бунин; Паустовский; Шолохов; малая проза; импрессионистский; цвет и свет; синестезия; пленэр.

Дудинских Ольга Владимировна

Белгородский государственный университет – национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
olga.skorikova@mail.ru

ИМПРЕССИОНИСТСКОЕ НАЧАЛО В МАЛОЙ ПРОЗЕ Б. П. ЕКИМОВА®

Изучение традиций лирической прозы XX века имеет богатый опыт, сложившийся в исследованиях творчества И. С. Тургенева, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева и других писателей, которые, разрушив жанрово-родовые каноны, синтезировали эпос и лирику, результатом чего явились произведения, определяемые как «стихотворение в прозе», «лирическая миниатюра», «короткий рассказ» и т.д. В середине прошлого столетия лирическая доминанта очевидна в рассказах и дневниках, очерках и эссе М. М. Пришвина,